

© 2012 г.

Валентин Кудров

доктор экономических наук

руководитель Центра международных социально-экономических сопоставлений
Института Европы РАН

ординарный профессор НИУ ВШЭ

(e-mail: ieras@mail.ru)

К ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье содержится анализ унаследованной Россией в 1992 г. советской социально-экономической системы и проблем, стоящих перед современной Россией при создании системы, базирующейся на рыночных механизмах в экономике и на демократических институтах во внутренней политике. Дается критика непоследовательности в проведении рыночных реформ в наши дни.

Ключевые слова: рынок, планирование, государственная собственность, бизнес, система, демократия.

О нашем системном наследии. Социально-экономическая система – это совокупность сложившихся производственных отношений, форм собственности и общественных институтов в формате уже имеющейся социально-экономической инфраструктуры в виде производственных, финансовых, социальных и иных институтов¹. В истории человечества существовали ранее и сейчас имеются самые разные системы. Это и рабовладельческие, и феодальные, и буржуазные, и социалистические. Сегодня это системы зрелого капитализма (США, ЕС, Япония, Канада, Австралия), незрелого капитализма (страны Азии, Латинской Америки, Африки, Турция), мусульманского капитализма (страны Ближнего и Среднего Востока, Индонезия), социализма (Северная Корея, Куба) и переходные системы (в странах СНГ).

В России, начиная с реформ Петра I, стала создаваться европейская капиталистическая система, и в начале XX в. наша страна уже имела доста-

¹ П. Савченко и М. Фёдорова дают следующую политэкономическую характеристику социально-экономической системы: “Система – это пространство взаимосвязанных элементов, в котором существует человек как субъект экономики и общества в целом. Фундаментальной основой объединения всех элементов Системы является экономика. Система объединяет вертикальные и горизонтальные, формальные и неформальные, личные и корпоративные, экономические, административные, социальные, культурные и т.п. связи между людьми, социальными группами и организациями. Система имеет макро-, мезо- и микроуровни. Она обуславливает долговременные тенденции развития экономики и всего общества”// Общество и экономика, № 8-9, 2011, с. 59.

точно зрелую для тех времён рыночную экономику, заняв 4-5-е место в мире по объёму производимого ВВП. Институты частной собственности, конкуренции, коммерческих банков, судебной системы и т.д. были достаточно развитыми и дееспособными. Ещё в 1861 году в России было положено начало демократическим реформам, осуществление которых было прерывистым, непоследовательным и не завершилось демократизацией политического строя страны. Нарастание народнической смуты, социалистических утопий, крестьянских волнений, слабостей самодержавия и Временного правительства в драматических условиях Первой мировой войны позволило в конце 1917 г. поначалу малоизвестной, немногочисленной и непопулярной партии большевиков осуществить переворот в России и провозгласить начало мировой социалистической революции. Российский народ в конечном счёте поддержал диктатуру партии большевиков, надеясь на обещания новой авторитарной власти достичь народного благополучия и социальной справедливости, и допустил создание в стране тоталитарной антидемократической и антигуманной системы.

Марксизм был не столько догматической наукой (а потому не вполне научной), сколько идеологией революции против капиталистического строя. Маркс и Энгельс считали необходимой и неизбежной отмену частной собственности, рассматривали предпринимательство как неприемлемую эксплуатацию трудящихся, разжигали социальную рознь, призывали к насильственной революции, считали диктатуру необходимым этапом общественного развития. Объективной целью этого развития Маркс и Энгельс полагали построение коммунизма, обозначенного лишь примитивной пропагандистской формулой и являющегося, совершенно очевидно, утопией. Попытка ее реализации оказалась не только ошибкой, но и вредоносной для человечества.

Строительство в России–СССР социализма, основанного на безраздельном господстве коммунистической номенклатуры над населением, всеохватывающей государственной собственности и глобальном централизованном планировании экономики при отмене частной собственности, конкуренции и других рыночных механизмов в нашей стране, считалось всего лишь началом общемирового социалистического переворота. Однако человечество не поддержало Россию, и она оказалась в одиночестве на этом пути вплоть до 1945 г. Марксистскую матрицу после Октябрьского переворота не приняла ни одна страна в мире кроме России. «Социалистический лагерь» возник после Второй мировой войны главным образом в результате советской военной экспансии и коммунистического террора.

Однако Первая мировая война породила тоталитарную систему не только в России, но и в ряде других европейских стран (Италии, Германии, Испании, Португалии, Венгрии). Эта система базировалась на террористической диктатуре сложившегося социального слоя, противопоставляющего себя реальному общественному прогрессу, который в конечном

счете пробивал себе дорогу в капиталистическом обществе. Идеологическая формула этого авторитарного строя была наиболее четко сформулирована в СССР и Германии. В СССР это был марксистский социализм как первая фаза коммунизма, в Германии – национальный социализм. При этом везде царили жестокость, бесчеловечность и агрессивность.

Систему, созданную большевиками после Октябрьского переворота 1917 г., многие уже тогда считали провальной по определению. И речь шла не только о таких теоретиках, как Ф. Хайек и В. Бруцкус, но и о ряде российских политиков – противниках В. Ленина. Так, руководитель партии эсеров В. Чернов уже в 1918 г. в своём письме Ленину писал, что “противоестественный, тупиковый общественный строй нельзя сохранять достаточно долго, не прибегая ко лжи и насилию”¹. Что и произошло.

Большевистский переворот не приняла не только российская буржуазия, создавшая достаточно развитую по тем временам экономику своей страны, но и преобладающая часть российской интеллигенции. Характерна в этом отношении следующая оценка, данная великим русским композитором Сергеем Рахманиновым, жившим в 1917 г. в Москве: «Почти с самого начала революции я понял, что она пошла по неправильному пути... Как только я ближе столкнулся с теми людьми, которые взяли в свои руки судьбу нашего народа и всей нашей страны, я с ужасающей ясностью увидел, что это начало конца – конца, который наполнит действительность ужасами. Анархия, царившая вокруг, безжалостное выкорчёвывание всех основ искусств, бессмысленное уничтожение всех возможностей его восстановления не оставляли надежды на нормальную жизнь в России. Напрасно я пытался найти для себя и своей семьи лазейку в этом “шабаше ведьм”»². Не случайно академик И. Павлов в одной из своей лекций назвал марксизм чистым догматизмом. Он говорил, что “марксизм и коммунизм это вовсе не абсолютная истина”, а “одна из теорий, в которой может быть есть часть правды, а может быть и нет правды”. Но в любом случае это “стоило нам невероятных издержек”³.

Сейчас немало людей в России утверждают, что при социализме было «много хорошего». При этом они стремятся, чтобы люди забыли о чудовищном терроре, многомиллионных жертвах, политическом и идеологическом подавлении человеческой личности, о чудовищной эксплуатации, прежде всего крестьянства. Но главная оценка истории заключается в том, что социализм, несмотря на целый ряд позитивных сдвигов в экономике, образовании народа, отчасти и в культуре (несмотря на ее полную закабаленность ложной идеологией), явил собой исторический тупик, проигрыш в соревновании с развитым капитализмом и в сфере науч-

¹ См.: Д. Штурман. О вождях российского коммунизма. Кн. I. М., 1993, с. 134.

² С. Рахманинов. Воспоминания. М., 2010, сс. 154, 155.

³ См.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997, с. 549.

но-технического прогресса и экономики вообще, и в сфере жизненного уровня населения, и в качестве жизни, и в сфере развития человека как самодостаточного субъекта общественного развития. Таким образом, социализм как общественная система потерпел банкротство.

Конечно, есть немало людей и за рубежом, и в России, которые хотели бы объявить нынешний кризис на Западе крахом капитализма, однако этот кризис представляется мне стимулом и прологом к рациональному решению проблем развития, в то время как тлеющий системный кризис в России такой перспективы пока не обещает.

Тем не менее и в современной России сильно противодействие формированию механизмов самоорганизации общества, саморазвития экономики, стимулирования научно-технического прогресса. Вместо того, чтобы создать условия для высокой конкурентности на рынке, преодолевать бюрократические преграды, развивать инициативу производителя, вновь выдвигается курс на концентрацию ресурсов в руках бюрократии, появляются рецидивы командного управления экономикой. Затрагиваются исторические факты, свидетельствующие о последовательной утрате плановой экономикой инновационного потенциала. Существует опасность, что экономическая наука в значительной мере может вновь стать пропагандистом примитивной модели государственного насилия над экономикой, насилия, лишённого конструктивной стратегической ориентации.

Одно из весьма существенных уязвимых мест нынешней экономической политики – курс на форсирование затрат на разбухание военно-промышленного комплекса. Не будем обсуждать здесь вопрос об адекватности этого курса внешнеполитическому положению страны. Отмечу лишь, что надежды на переток высоких технологий в гражданский сектор пока не обоснованы, для этого нет стимулов и механизмов. Видимо, главным соображением стало идеологическое воздействие на общество. Важно, чтобы новые, а скорее обновленные, идеологемы не препятствовали осмыслению реальных проблем России. На будущее нынешней российской системы будет оказывать большое влияние ее неидеологичность (хотя и наличие сильной идеологизированности не спасло советскую систему). Раздувание культа врага не заменит позитивной идеологии. А такую идеологию трудно предъявить обществу в условиях нарастания социальных противоречий и отсутствия представлений у элиты о путях их разрешения.

На сегодняшний день очевидно, что вызревавший при М. Горбачёве и Б. Ельцине эволюционный и даже революционный процесс в направлении создания новой общественной системы сорван, и развитие общества повернулось вспять. Очевидно, что этот процесс принял во многом извращенные и порочные формы, которые означали срыв этого процесса. Но критика 90-х годов не может служить основанием для отказа от даль-

нейших усилий по преодолению преград на пути прогресса. А думая о прогрессе, необходимо учитывать, что надо обращать главное внимание на построение рыночных механизмов, позволяющих сформировать инновационную модель, как органическую часть общественной системы. Из всех существующих ныне общественных систем лишь система, созданная в развитых капиталистических странах, базируется на такой модели. На пути её создания стоит сегодня и Китай, который хотя на словах и не отказывается от социализма, но на деле последовательно создаёт зрелую капиталистическую систему с встроенной инновационной моделью. На этот же путь уже давно встали и постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы, чего пока не скажешь о России.

Необходимость новых системных преобразований. За последние 100 лет наша страна пережила три системных кризиса. Первый – кризис системы царского самодержавия в начале XX в. Второй – кризис системы нерыночного, недемократического государственного советского социализма. Третий – кризис смешанной (капиталистическо-социалистической) путинской системы. Первые две системы были сметены самой историей, объективными процессами и факторами на конкретных этапах их развития. Третья чётко продемонстрировала свою неэффективность и нежизнеспособность за сравнительно короткий отрезок времени и нуждается в радикальной и научно-обоснованной перестройке. По сути постепенный процесс старения и умирания искусственно созданной тоталитарной системы начался уже после смерти И. Сталина. Период брежневизма был периодом застоя, но на самом деле разложение системы ускорилось. Казалось, выход из этого состояния был найден – это «перестройка М. Горбачёва» и начавшиеся при Б. Ельцине, но так и не принявшие реальные очертания общественные преобразования. С начала XXI века не были продолжены общественная трансформация, формирование мощного российского предпринимательства, рыночной инфраструктуры и инновационной модели экономики, демократического государства. До сих пор не сложилась государственная политика формирования институтов модернизации, инновационных стимулов, а это, повторю, требует прежде всего фундаментальных институтов зрелой рыночной экономики, заинтересованности общества в креативном мышлении, сочетании государственных и рыночных механизмов в рамках партнёрства науки, образования, промышленности, бизнеса и государства. Именно эти институты и механизмы должны формировать спрос на модернизацию и инновации. Но такое развитие возможно лишь при наличии демократической политической системы в стране.

Однако сегодня многие российские эксперты предлагают свести назревшие перемены в социально-экономической политике к усилению государственного ограничения рыночных механизмов и борьбе с демократической оппозицией. При этом, например, С. Кара-Мурза ссылается на исто-

рическую незыблемость “матричных основ” российской жизни и даже обвиняет власть в их разрушении, вроде бы не замечая ее приверженности этой матрицы, не видя относительности рыночного характера российской экономики. Объективно существующее мировое хозяйство он трактует как «мировую шайку спекулянтов»¹. В своём сочинении “Россия не Запад, или что нас ждёт” С. Кара-Мурза пишет: «Попытка встроить Россию в Запад посредством реформ, начатых двадцать лет назад, увенчаться успехом не может... Крах потерпела и сама идея создать в России “рыночную экономику”... Культурной базы для рыночной трансформации в России нет... Никким образом не мог в России господствовать тот же хозяйственный строй, что и на Западе. Не может и сейчас»². Идея неизбежности подчинения российского народа консервативной исторической матрице, желание представить ее даже не столько благом для страны, сколько как бы неизбежным уделом в силу специфики России по существу очень созвучна современной политике российской власти, которая даже рыночные отношения извращает и приспособливает именно к такой матрице. В этом смысле выдвигаемые С. Кара-Мурзой обвинения в адрес власти о насаждении «западной системы» по существу не обоснованы.

В российской элите нередко проявляется стремление искать несоответствие цивилизованной рыночной экономики природе и благу российского человека, при том, что сама элита активно использует рыночные отношения там, где это соответствует ее интересам. А ведь вставшие на путь рыночной экономики постсоциалистические страны Восточной Европы и даже Китай, несмотря на все трудности, добиваются больших успехов, чем нынешняя российская экономика, которая содержит достаточно много консервативных элементов, противоречащих принципам рыночной экономики, а потому должна с точки зрения некоторых ученых-идеологов демонстрировать превосходство.

Вряд ли будет большим преувеличением, если скажу, что в России есть пропагандисты-общественники, готовые к пропаганде чуть ли не экономики военного коммунизма. А реализация антирыночной утопии в нашей стране неизбежно привела бы не просто к уходу от цивилизационного мейнстрима, а к полному краху, как это случилось с СССР. Кстати, сам Маркс с порога отвергал аргументы российских нерыночников – народников-почвенников и призывал именно к буржуазной революции (хотя считал это лишь прологом к якобы пролетарской революции). И призывал к буржуазной революции не только на Западе, но и в России и во всём мире.

Не хочу, чтобы читатель воспринял эти мои мысли как отрицание необходимости государственного регулирования. Но не оно является ос-

¹ С. Кара-Мурза. Кремль. Отчёт перед народом. М., 2011, сс. 4, 5, 66, 96, 112.

² С. Кара-Мурза. Россия не Запад, или что нас ждёт. М., 2011, сс. 20, 153, 231, 237.

новой механизмов экономической жизни, а именно рынок. Как пишет российский экономист Ю. Осипов, в рыночной (т.е. в нормальной) экономике «со стоимостью начинается всякое действие и стоимостью завершается. Получается, что движение стоимости и есть движение экономики, а воспроизводство стоимости – воспроизводство экономического хозяйства. Экономика – хозяйство не просто со стоимостью, даже не просто стоимостное хозяйство, а хозяйство ради стоимости и хозяйство стоимости... Всё в обществе приняло стоимостной характер, всё осуществляется через деньги и оценки, всё опосредуется стоимостью, всё ей подвластно, как подвластно тем, кто стоимостью владеет, кто принимает стоимостные решения, кто создаёт стоимостные механизмы и на них влияет»¹. Если же нет стоимостного механизма, то продукт не получает объективной стоимостной оценки, распределяется то ли по указанию сверху, то ли под диктатом монополистов, будь то производители или потребители. Ю. Осипов задаётся вопросом: «Тогда кто, что и где в действительности устанавливает стоимостные параметры экономики, т.е. производит, вмняет и перераспределяет стоимость? Свободные микросубъекты, свободные товарные отношения, свободная конкуренция, свободный рынок, свободные макросубъекты (те же национальные государства), свободный международный обмен, наконец, свободный труд, свободная полезность, свободные издержки, свободные соотношения предложений и спросов, свободные образующиеся пределы? Кто, что и где?»²

Мой ответ очевиден: всё это устанавливают рынок, рыночные механизмы. Государственное регулирование нужно лишь в том случае, если оно не обслуживает интересы бюрократии, близких к ней олигархов, не подчинено ложным идеям господства государства над обществом. Оно нужно, чтобы усиливать стимулы хозяйственной деятельности, давать обществу стратегические ориентиры, удерживать бизнес (и рынок) в рамках реальных общественных потребностей.

А многие рассуждения ученых-экономистов о необходимости «стратегического планирования» (С. Глазьев)³ или «вертикально интегрированной» воспроизводственной системы (С. Губанов)⁴ грешат абсолютизацией возможностей государства и его способности понимать потребности общества, игнорируют тот факт, что первичными являются экономические процессы, а не государственная воля, не учитывают исторический и современный опыт человечества и слабо обосновывают адекватность их предложений задачам модернизации России, потенциальную эффективность вертикальной интеграции и т.д.

¹ Ю. Осипов. Очерки философии хозяйства. М., 2000, сс. 330, 331.

² Там же, сс. 348, 349.

³ См., например, Инновационное развитие экономики. М.; СПб., 2011, сс. 23,31.

⁴ Там же, с. 32

Не забудем, что рыночная экономика и демократия исторически стали не только естественными для современного общества, но и более развитыми по сравнению с азиатскими феноменами, и Азия (особенно Индия и Китай, не говоря уже о Японии) берёт пример прежде всего с США и ЕС. И этого не могут зачеркнуть нынешние трудности Запада.

Для меня очевидно, что без чёткой стратегии продолжения рыночных и демократических реформ с участием государства как одного из моторов таких системных преобразований в России подлинного прогресса не будет. Пока уже более 20 лет предпосылок для такого прогресса в России не формируется, коррупция и бюрократизм государственного управления разрастаются, неэффективность экономики становится все более очевидной, конкурентоспособность снижается. Требуется решительная модернизация экономических институтов. И, конечно, особого внимания заслуживает защита прав собственности, в том числе интеллектуальной, очищение отношений собственности от их криминальной первоосновы, реальная борьба с рейдерством. И действительно, на этом этапе лишь государство способно создать инновационный и инвестиционный климат в стране, всемерно стимулировать запрос общества не столько на государственные, сколько на частные инвестиции.

Инновации и модернизация могут быть реальными лишь тогда, когда будут сопровождаться инвестициями. Без инвестиций изобретения, изложенные в чертежах и формулах на бумаге, не реализуемы на практике, т.е. бессмысленны. В приобретение новых технологий в российской промышленности вкладывают свои деньги лишь 12% предприятий¹, ни отраслевая структура нашей промышленности, ни ассортимент ее продукции, ни система управления производством на всех уровнях не имеют инновационной ориентации.

В годы президентства Б. Ельцина была разрушена командно-административная социально-экономическая система, которая не стимулировала ни конкуренцию производителей, ни инновации. Вместо неё стала создаваться рыночная и демократическая система, базирующаяся на многообразии форм собственности и рыночных механизмах в экономике, многопартийности в политике. Однако несмотря на значительное продвижение в этих направлениях ни современной рыночной экономики, ни развитой демократии в России создано не было. Ельцинская система оказалась не только незавершённой, но и двойственной, поскольку в ней сохранялись многие черты социализма, связанные с сохранением многих традиций государственной власти и становлением все более консервативного авторитаризма.

В. Путин отверг остававшиеся еще при Ельцине элементы прогрессивных преобразовательных тенденций и сосредоточился на закреплении

¹ Инновационное развитие экономики, с. 241.

и усилении консервативных процессов. Реальное развитие путинской системы пошло не в направлении создания зрелого рынка, зрелой предпринимательской среды и современной политической демократии, а по пути частичного возвращения к “ценностям” советской системы. В условиях определенной политической и вообще социальной стабильности и повышения реальных доходов значительной части населения общество в своем большинстве отнеслось к курсу В. Путина положительно, и рейтинги Путина оказались высокими. Но по существу это означало уход от реального прогрессивного реформирования. Период президентства Д. Медведева не внес в эту ситуацию почти никаких изменений. Реально страна «окончательно», а скорее, на долгий срок вернулась в период застоя, инерционного развития, в период, грозящий стране серьезным упадком. Это негативно отличает В. Путина от Б. Ельцина и М. Горбачёва, при каждом из которых начальные годы правления были годами реальной трансформации, хотя в дальнейшем имели место отступления, стратегические ошибки и пассивность, тождественная попустительству антиреформаторским силам. В оправдание нынешней ситуации 90-е годы стали изображаться почти как катастрофа.

Как пишет российский социолог Д. Фурман, «наша эволюция в направлении установления всё большего контроля власти над обществом зашла слишком далеко. Все варианты относительно “мягкого” и организационного демонтажа системы оказываются невероятными и маловероятными. Но это означает лишь то, что всё равно неизбежный кризис, скорее всего, примет у нас более неожиданные, стихийные и неорганизованные формы... И очень вероятно, что за стабильность и управляемость путинского периода нашей истории тоже придётся расплачиваться будущим новым периодом хаоса и распада»¹.

Очевиден единственно возможный вариант перелома. Этот вариант был известен давно. Как писал крупнейший российский философ И. Ильин, “мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем, в чём будет состоять основная задача русского национального спасения... **в выделении наверху лучших людей...** Если отбор этих **новых русских людей** удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет – то Россия перейдёт от революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости”. И ещё: “Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом... русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет времен-

¹ Д. Фурман. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010, с. 157.

но занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса”¹.

Это гениальное предвидение подтверждается реальной историей горбачёвской перестройки, ельцинско-гайдаровской трансформацией и путинско-медведевским застоём в проведении системных реформ, постоянное откладывание (если не отрицание) давно назревшего перехода к нормальной рыночной экономике в рамках современного демократического общества, возрождения того вектора изменений экономических отношений, который уже сложился в нашей стране в конце XIX – начале XX вв. Но нам не хватает соответствующих этой задаче кадров и необходимой политической воли.

Запад с тревогой констатирует противоречивость развития российского общества, отсутствие продолжения рыночных и демократических реформ, отсутствие консенсуса в российском обществе по этим вопросам, укрепление авторитарных тенденций и сотрудничества с авторитарными режимами в ряде других стран. Запад опасается совсем нежелательного для него нового внутривнутриполитического кризиса в России, новой смуты, грозящей распадом страны.

Реальные оценки перспектив неутешительны. Руководитель ИНСОР И. Юргенс отмечает, что российская “общинность и архаика” могут быть преодолены не раньше 2025 г. Только к этому времени российский народ станет ментально совместим с восприятием демократии, со среднестатистическим европейцем. Но мне думается, что даже этот прогноз слишком оптимистический. Особенно существенно то, что до сих пор ни у власти, ни у влиятельных слоев элиты вообще, ни у большей части оппозиции нет стратегии прогрессивного развития страны. Проблемы формирования новой системы не стали предметом внимания ни экспертов, ни тем более правящих кругов, ни среди образованных слоев общества. Далеко от этих проблем и сознание общества в целом. Сегодня судьба России видится как тяжелый путь сначала застоя и загнивания, затем проб и ошибок в начале выздоровления, и лишь затем устойчивого прогрессивного развития.

¹ И. Ильин. О грядущей России: Избранные статьи. М., 1998, с. 215.